

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

**А. РЕМИЗОВ В РАБОТЕ НАД КНИГОЙ
«ПАВЛИНЫМ ПЕРОМ»
(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)**

Среди книг Ремизова, не изданных при жизни писателя, особое место принадлежит сборнику «Павлиньим пером». Над этой книгой Ремизов работал буквально до конца своих дней и почти полностью подготовил ее к печати (для издательства «Оплетник»). Макет книги, доработанный В. Б. Сосинским, был передан им вместе с другими ремизовскими материалами в РГАЛИ (Москва).¹ Книга названа «сборником сказок». В ее основе — осуществленные Ремизовым обработки сказок народов Востока (татарская, кабыльские, тибетские), но представлены в ней и сказки Прикарпатской Руси («Басаркуны»), и древнерусские житийные повествования («О Петре и Февронии муромских»), и сказания, восходящие к апокрифам («Авраам»). Завершает книгу раздел «Суфийная мудрость». Сюда вошли жизнеописания знаменитых суфиев («Рабийя», «Сказание о шейхе Баязиде», «Зун-Нун»), назидательные истории о достопамятных встречах наставника правоверных Хасана Басрийского («Грешник — пьяница — дитя — женщина»), персидская версия басни из средневекового арабского памятника «Калила и Димна» («Желвь и утки»), эпизоды из жизни магометанского тайновидца («Джафар Садэг»), изречения западнохалифатского аскета Бишра Босоногого («Бишр Хафи»). Историко-биографическим и филологическим комментарием к разделу должно было стать «Объяснительное слово к „Суфийной мудрости“», написанное востоковедом В. П. Никитиным.² О взаимоотношениях писателя и ученого-ориенталиста, переросших в творческое сотрудничество, и пойдет речь.

Мемуаристы, повествующие о последних годах жизни писателя, неоднократно упоминают о его работе над книгой «Суфийская мудрость». Теперь, основываясь на реконструкции замысла писателя, можно внести коррективы в эти свидетельства: речь идет о заключительном разделе книги «Павлиньим пером». По словам Н. В. Резниковой, в книгу должны были войти «сказанья секты Суфи, тексты которых переводил с персидского сосед, востоковед В. П. Никитин».³ Более точно Н. В. Кодрянская, когда сообщает: «В 1956 году Алексей Михайлович (...) работал над суфийской мудростью. Из этого материала зазвучат на русские лады сказки».⁴ Она также отмечает, что

переводы с арабского и персидского осуществлял «его многолетний друг и сосед ориенталист В. П. Никитин».⁵

Имя В. П. Никитина постоянно встречается на страницах автобиографической прозы Ремизова 1940—1950-х годов, он хорошо известен как персонаж «Мышкиной дудочки» — «бывший урмийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской пролойки, эмир обезвелволпала».⁶ Однако факты его реальной биографии известны в значительно меньшей степени и до сих пор не введены в литературоведческий оборот.

Василий Петрович Никитин, профессор Школы восточных языков в Париже, родился 1 января 1885 г. в Сосновце (Польша). По его собственному признанию, он рано увлекся Востоком и рано сделал профессиональный выбор: в 1904 г. стал студентом Лазаревского института восточных языков в Москве.⁷ С 1915 г. Никитин — на дипломатической службе, являясь секретарем генерального консульства России в Персии. В июле 1919 г. он переезжает в Париж, навсегда связав свою жизнь с Францией. Сфера востоковедных интересов Никитина — Иран, его история, культура, литература. Большую известность принесли Никитину его исследования, посвященные курдам. В центре обобщающего труда ученого «*Les Kurdes. Etude sociologique et historique*» (1956)⁸ — проблемы происхождения этого народа, его религиозные верования, лингвистические и социально-этнографические аспекты курдологии. Несомненный интерес представляет его очерк «Русский дервиш» о пребывании поэта Велимира Хлебникова в Иране, опубликованный в Тегеране в 1955 г.⁹ В 1924 г. Никитин был избран членом Азиатского общества в Париже, в 1933 г. — иностранным членом Польского ориенталистического общества. Как признанный научный авторитет он входил в редколлегии ряда востоковедческих изданий, являлся членом Международного антропологического института, действительным членом Международной дипломатической академии.

В 1920-е годы Никитин примкнул к евразийству, и его имя можно было встретить в евразийских периодических изданиях. О своих настроениях этого времени он писал в автобиографических заметках: «Я охвачен евразийскими пространствами (...) Среди моих немногочисленных русских сочинений мое любимое — „Иран, Турция и Россия“, сочинение, в котором я подчеркиваю евразийские черты нашего национального характера: турецкая кочевническая простота, богоискательство. И моя статья „Ритмы Евразии“».¹⁰ Ремизов также сочувствовал евразийскому «исходу к Востоку». В середине 1920-х годов он сближается с парижской группой деятелей евразийского движения: журнал «Версты» (под ред. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона; 1926—1928), печатный орган евразийцев, издавался «при ближайшем участии А. Ремизова», как было сказано в анонсе, и охотно предоставлял

свои страницы писателю. С одним из редакторов журнала, музыковедом Сувчинским, Ремизов был знаком еще по Берлину и дружеские отношения с ним поддерживал до конца жизни. Возможно, в кругу евразийцев и встретился Ремизов с Никитиным, которому суждено было стать вдохновителем последнего творческого замысла писателя и неустанным помощником в его осуществлении.

Судьба окончательно свела ученого и писателя, когда в 1935 году Ремизов с женой переехали на свою последнюю парижскую квартиру на улице Буало, 7, где их соседом по дому оказался Никитин. Со временем он входит в ближайшее окружение писателя, более того, каждое свое посещение он со свойственной ему скрупулезностью фиксирует в записях, составивших своеобразную хронику — «ремизовиану». «С 1943 по 1953 я регулярно вел записи моих посещений у А. М. Ремизова, — отмечал Никитин в 1956 году. — Эта Remizoviana, за 10 лет, находится в Нью-Йоркском архиве эмиграции.¹¹ Болезни, как А. М., так и мои, нарушили установившийся за долгие годы порядок наших отношений. Я перестал бывать ежедневно (...) Теперь как будто опять налаживается возможность встречаться по-прежнему и вести записи о наших беседах».¹² Эти многолетние записи — неоценимый биографический материал для изучения окружения Ремизова в годы его парижской эмиграции, человеческих симпатий и творческих пристрастий писателя в последний период его жизни.

Никитин стал вдохновителем и непременным участником «восточных бесед», проходивших на квартире Ремизова в знаменитой «кукушкиной» комнате по четвергам. Знаток Ближнего Востока, эрудит, умелый рассказчик, он заражал присутствующих своей увлеченностью. Н. В. Резникова писала Никитину 1 октября 1954 года: «Я была у А. М. вчера — без Вас наши четверги пусты и унылы, и мы ждем не дождемся восстановления нашей традиции — четвергов с путешествиями на Восток и в века».¹³

Ремизов был душевно привязан к Никитину. «Дорогой Василий Петрович! — обращался он к нему в письме от 11 сентября 1954 года. — Все жду вас. Без вас пусто в Кукушкиной. И спросить некого. И рассказать некому».¹⁴ Для него Никитин — высший авторитет в области этимологии, которая всегда была притягательна для писателя с его пристальным вниманием к слову и его историческим корням. «Откуда у нас чан? — спрашивал он в письме от 3 октября 1954 года. — Чану соответствует котел. У Ушакова нет. Буду Вам очень благодарен».¹⁵ Никитин не замедлил удовлетворить лингвистическое любопытство писателя. Вот его ответное письмо от 9 октября:

Дорогой Алексей Михайлович.

Сначала казалось, что ЧАН персидского происхождения, как ЛОХАНЬ от ЛЕГЁН, оба предмета домашнего обихода. Но в

персидском нет ничего подходящего. Посмотрел у турок, и, конечно, наш ЧАН слово тюркское. По-турецки ЧАН — колокол. Опрокинутый он и есть чан! Но еще лучше: ЧАНАК — глиняная чашка, блюдо, миска. Тут и опрокидывать не нужно, а основа ЧАН налицо. Вы знаете, вероятно, другое тур(ецкое) слово того же назначения: казан — котел. — Когда я бродил пешком по Болгарии (1907), то был в городишке Казан, Восточн(ые) Балканы; назван так будучи в котловине среди гор.

Сердечный привет.

В. П. Никитин.¹⁶

Памятники персидской и арабской литературы и фольклора, исторические и бытовые реалии, имена — Никитин был рад дать консультацию, комментарий, принести нужные книги.¹⁷ Ремизов питал почтение к учености своего соседа и, поздравляя его накануне Васильева дня, писал со свойственной ему словесной изобретательностью и этимологическими экскурсами-загадками: «В какой отмеченный день Вы родились: в навечерие Васильева дня разговаривают звери. Вот откуда Ваш жребий — слово и книга. А Ваша пытливость к загадкам. Не разгадан в закличке Велесовых (Васильевых) книг песен припев: Таусень-Таусень. Новогодний Василий недавнее, а Таусень кликала Ольге Малуша. Я уверен, Вы слышали эту закличку».¹⁸ Письмо иллюстрирует характерный графический рисунок Ремизова с подписью — словами языческой заклички: «Птицы из Ирья летят. Таусень-Таусень».

Проникновенные страницы посвятил писатель Никитину в своей книге «Мышкина дудочка». Характерно, что Ремизов раскрывает здесь не только привлекательные черты личности ученого, но и свои «восточнические» симпатии. «Я люблю Восток, — пишет Ремизов в главе „Оракул“, — а Персию особенно: мое пристрастие к каллиграфии — „Тысяча и одна ночь“ — Огонь — Заратустра — Мани (...) В Казани в мечетях меня принимали за своего и я обряжался в туфли, как правоверный, с тибетскими ламами я не чувствовал себя „иностранцем“ (...) Мое восточное соединяет меня с нашим востоковедом „эмиром“ Василием Петровичем Никитиным, кудесником нашего Оракула (...) Жил „Эмир“ на 4-м (...) а теперь на 8-м, выше некуда. В светлые ночи, после трудов, любитесь он на Париж, вышептывая любимые стихи Мохамеда Икбала,¹⁹ из Лагора:

Долина любви очень далека, дорога длинная, но
свершение столетнего пути в одном вздохе мгновенно.
В поисках трудись и не выпускай из рук полы надежды,
богатство там, ты обрешь его в конце пути мгновенно.

(...) Его называют марид — „дух отречения и изгнания“, возможно, что он и есть „марид“, но только добрый из маридов — „инфид“ (...) Он знает мое пристрастие к словам и чудесному — к тому, что не бывает, а только живет в человеческом желании —

к легендам, сказкам, вымыслам. Из каждого нашего свидания я всегда что-нибудь получаю чудесное и всегда жду персидской субботы».²⁰

Никитин стал для Ремизова незаменимым помощником в работе над памятниками восточной письменности, которые все настойчивее влекли к себе писателя. В 1950 г. вышла в свет книга Ремизова «Повесть о двух зверях. Ихнелат» — пересказ древнерусского памятника «Стефанит и Ихнелат» в редакции XVII века. Восходит он к индийским («Панчатантра») и арабским («Калила и Димна») источникам.²¹ Сохранились свидетельства самих участников творческого союза. Своими впечатлениями о «восточных беседах» Ремизов делился с Кондрянской в письме от 9 августа 1947 года: «Никитин рассказывал о Панчатантре (перевод с французского). Рассказывают два шакала о зверях. Оказывается, есть персидские *павлиньи* (курсив мой. — Н. Г.) сказки; и есть попугайные — монгольские».²² Никитин, в свою очередь, сообщал итальянскому слависту Э. Ло Гатто о ремизовских «штудиях»: «Он всегда очень интересовался Востоком, благодаря чему мы смогли вместе изучить некоторые рассказы XVII столетия восточного происхождения, хотя они проникли в Россию западным путем — польским и чешским».²³ Никитин ведет речь о работе над сборником «История семи мудрецов» (арабский ее прототип — «Книга Синдбада»), ставшим неиссякаемым источником заимствований для развивавшейся европейской новеллистики.²⁴ Из нее и была извлечена повесть, сохранившая, по словам Ремизова, ее последнего «переписчика», «память о зверях-людях и о человеке-звере».²⁵

Возможно, этот успешный опыт совместных занятий дал творческий импульс последующим замыслам, и не в последнюю очередь — книге «Павлиньим пером».²⁶ Из писем Никитина и его «ремизовианы» становится известно, что ученый знакомил писателя с образцами арабской поэзии разных веков,²⁷ с суфийскими притчами,²⁸ с персоязычной прозой, в том числе и современной.²⁹ Все это находило отклик в душе писателя и запечатлевалось в творческой памяти. В знак многолетней дружбы и общности интересов Ремизов получил в подарок книгу Никитина о курдах с надписью: «Мы часто беседовали о Востоке, эта книга о том же — от любящих Вас Л. Л. и В. П. Н(икитиных)».³⁰

Можно с уверенностью сказать, что интерес к Востоку и, в частности, к суфизму, возник у Ремизова не только благодаря «удачному» соседству его, писателя-сказочника, «кудесника», «мага», и ученого-ориенталиста. Элементы суфийской мудрости совпадали с собственными духовными и творческими устремлениями и интуициями писателя. Достаточно вспомнить его внимание к «пограничным» психологическим состояниям сознания, к потаенным законам сна и памяти, к передаче интуитивного опыта в слове. Восприятие языковой стихии —

духа языка — как некой трансцендентности, а сказки (и сказа) как фантазма рождало ощущение живого соприкосновения с «мирами иными». Ведь сказка, рассуждал писатель, складывается по наитию: «Сказочник, как шаман, уходит в другой мир и потом рассказывает, что там видел, о своих встречах и о житье-бытье ненашем».³¹

Всю жизнь Ремизов размышлял о природе художественного творчества и его первоосновах. Как писателя его влекли и были переживаемы им самим те особые состояния сознания, когда смутно различимы сон и явь, вымысел и реальность, когда грани между ними становятся зыбкими и взаимопроникаемыми. Достижение такого сумеречного состояния и пребывание в нем — необходимый момент творческого процесса. «Я люблю все, что не „реально“»,³² — признавался писатель. В неизданной книге «Мерлог», куда вошли его многолетние записи снов, Ремизов объясняет мотивы своего обращения к сфере бессознательного. «„Реальная“ жизнь ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение прерывает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство „свободы“ и сейчас обнаруживаются чудеса „совместности“ и „одновременности“ действия, немислимые в дневном состоянии... Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей прерывности и связанности с бодрствованием „предсказывают“ и „открывают“ будущее».³³ Не здесь ли истоки своеобразной «философии творчества» Ремизова, ключ к пониманию его *письма*?

Одаренный чуткостью к сказке и сну, мистическим чувствованием и провидением, писатель каким-то внутренним зовом был побуждаем обратить свой взор к Востоку — родине духовного знания, обители вдохновенных пророков и посвященных. «Глаз на Восток — там родина снов и сонников (снотолкований)».³⁴ О своей способности к мысленному перевоплощению, о «вживании» в образную реальность Ремизов написал вдохновенные строки в «соннике», его собственном «Мартыне Задеке»: «О смерти Авраама я читал в апокрифах и мне приснился Авраам, вознесенный на небеса (...) По моему жаркому чувству, я как бы находился в эту минуту с Авраамом (...) Та же острота чувства и яркость видения мне говорят, что я был среди демонов в „войнстве“ Сатанаила, в (...) крестный час смерти Христа (...) я провожал Петра, когда пропел петух и раскаяние выжгло мои следы (...) Я с Николаем прошел всю русскую землю и путями друидов от Нанси до Нанта».³⁵ Вот какие встречи были уготованы писателю во время его «странствий» в веках! Интересно, что ремизовский дар «ясновидения» Никитин сопоставлял с мистическим опытом мусульманских духовидцев. Об этом он рассказал в своих воспоминаниях: «А. М. во сне вел разговоры со своими живыми или уже покойными собеседниками. Очень любопытно отметить по этому поводу (...), что многие шиитские

мыслители отличались подобной же способностью, в такой степени, что, если в их разговоре во сне с каким-нибудь имамом им, по пробуждении, что-нибудь казалось неясным, то, вновь пребывая во сне, они переспрашивали того же имама, который опять им снился и получали от него должное объяснение».³⁶

В суфизме путь мистического познания Истины предполагает высвобождение внутренних сил души, благодаря чему возникает особое видение реальности «глазом сердца» и ощущение ее «чувством ума».³⁷ Следующая стадия мистического опыта — теофания, узрение Бога. В этом состоянии суфия называли человеком с двойным зрением, ибо ему открывались, с одной стороны, абсолютная сущность, с другой — безграничное разнообразие явлений. Душа, превосходя пределы, отведенные ей человеческим существованием, объемлет собой всю вселенную и переживает экстатический восторг в созерцании красоты и милосердия Бога. И, наконец, — мистическое озарение («хал»), чаемое единение с Истиной, когда отброшено все бренное и человек соединяется с Вечным.

Идущему по суфийскому пути раскрывается возможность познать себя, познать единство всего сущего, разорвать завесу, отделяющую личность от Истины, и пережить блаженство ее обретения. Неудивительно, что суфизм влек к себе людей искусства и обогатил мировую культуру высочайшими образцами философской и любовной поэзии. Метафизическая суфийская лирика запечатлела движение человеческого ума от познанного к непознанному, показала, что никакая реальность не исчерпывается ее внешними проявлениями, что мир воображения есть ступень для дальнейшего восхождения духа. На изощренном языке символов велся разговор о трансцендентном — о непосредственном усмотрении божественной сущности, о богатстве интуитивного знания, о блаженстве самозабвения и достижении подлинного бытия.

Обращение к Востоку и постижение новых культурных миров открывало перед Ремизовым новый простор для осмысления природы художественного творчества, и именно в том направлении, которое он избрал в молодости и которого последовательно придерживался на протяжении своего долгого пути художника. Ведь создаваемая им «субъективная реальность» всегда возникает на «переходе» между разными сферами сознания (рациональное и иррациональное), разными типами художественного творчества (фольклор и литература). Писатель интересовался «следами» культур прошлого в современности, языковой и культурной «напряженностью» между различными традициями (Восток и Запад). И теперь, обратившись к духовному наследию Востока, он продолжал поиски — те поиски, которые определили его писательскую оригинальность — глубинных оснований для диалога разных культур — в данном случае Востока и Запада — и находил такую объединяющую основу в фольклорно-мифологическом и религиозно-мистическом сознании.

Примечания

¹ Ремизов А. Павлиным пером. Сборник сказок. Машинопись, вырезки из газет, ксерокопии с правкой автора и пометами автора и В. Б. Сосинского // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20, 21. Состав книги следующий: «Часть первая. 1. Присказка. 2. Под быком. 3. Чуткур. 4. Тигр. 5. Черный змий. 6. Алтан — золотое слово. 7. Царь зайцев. 8. Кошка-подвижник. 9. Мышонок. 10. Журвалиная мудрость. 11. Пификово сердце. Часть вторая. 1. О Петре и Февронии муромских. 2. Повесть о Аполлоне Тирском. 3. Царь Аггей. 4. Авраам. Часть третья. 1. Басаркуну (тексты соответствуют вошедшим в цикл «Басаркуну сказки». — Н. Г.). II. Шакал. Сказ кабыльский. 1. Дрозд. 2. Кабаниха. 3. Лев в сапогах. 4. Рябка. 5. Песнь шакала. 6. Ловушка. 7. Коза. 8. Вольи. 9. Еж. 10. До дна. III. Заяц. Сказ тибетский. 1. Заячьи дела. 2. Заяц — добрый. 3. Разные зайцы. 4. Заячий указ. 5. Злой заяц. 6. Звериное дерево. IV. Суфийная мудрость. 1. Из-под овечьей шерсти. Грешник — пьяница — дитя — женщина. Негр. Рабийя. Хромой толкачик. 2. Сказание о шейхе Баязиде. Отмеченный. Праведная увертка. Неведение. Самоотречение. Откровение. В пламени. Не выдержал. Легкомыслие. Собака открыла глаза. 3. Зун-Нун. Подвижник. Слепая птица. Целитель. Кольцо. Колдовство. 4. Жельв и утки. 5. Халифат и Имамат. Предисловие. Имамы. 1. Джафар Садэг. 2. Бишр Хафи.

² ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 1 (отпуск). См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 303—306.

³ Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Ал. Ремизове. Berkeley, 1980. С. 142.

⁴ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 112. Ср. авторское примечание к сборнику: «Предлагаемые сказки пишу по материалам: книги — монгольские, санскритские, арабские. Из затаенных веков доносит мне голос, и переговариваю по-русски — русскими ладами» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20. Л. 4).

⁵ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 112.

⁶ Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж, 1953. С. 158.

⁷ Биографические сведения почерпнуты из статьи: Nikitine B. Mes reminiscences polono-orientales (Notes autobiographiques) // Folia orientalis. Krakow, 1960. Т. II. F. 1—2. S. 153—176.

В этом же издании — некролог Никитину (С. 211—213). Ученый скончался 6 июня 1960 года.

⁸ Рус. пер.: Никитин В. Курды. Пер. с фр. М., 1964.

⁹ См.: Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. Публикация В. Ф. Маркова // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 10. Wien, 1982.

¹⁰ Nikitine B. Mes reminiscences... S. 175.

¹¹ См.: Sinany H. Archives de l'Université de Columbia (New York) relatives Aleksej Remizov // Cahiers du Monde russe et soviétiques. 1976. Т. XVII. N 1. P. 113—123.

¹² Никитин В. Remizoviana 1956 // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 1. В ИРЛИ хранятся записи Никитина за 1954, 1956 и 1957 годы.

¹³ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 18. См. также письмо Резниковой тому же адресату от 5 сентября 1955 года: «Я надеюсь застать Вас и А. М. здоровыми — надеюсь на продолжение наших мирных и содержательных восточных бесед» (там же).

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 7.

¹⁵ Там же. Ср.: «Нашел смешное слово „фуфлыга“. Сам Эмир не знает, что это значит» (Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 104).

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 141.

¹⁷ В письме от 11 сентября 1954 года Ремизов обращался к Никитину с вопросом: «Что посоветуете, какое имя? (...) Зебраф вышел из песчаного холма — сын солнца. Душой себе он выбрал ручей. Какое имя (женское) соответствовало бы Зебрафу?», в письме от 17 декабря 1948 года просил принести книгу «История семи мудрецов», вып. I и II.

¹⁸ Письмо от 13—14 января 1954 года.

¹⁹ Икбал Мухаммад (1873 или 1877—1938) — индопакистанский поэт и философ, писал на урду и персидском языке. Об интересе Ремизова к

Икбалу см. в записи Никитина от 8 июля 1954 года (Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 24).

²⁰ Ремизов А. Мышкина дудочка. С. 69, 70.

²¹ См.: Лурье Я. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат» // Русская литература, 1966. № 4. С. 176—179.

²² Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 69.

²³ Письмо от 8 мая 1953 года на фр. яз. (отпуск) // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 14.

²⁴ См.: Булгаков Ф. Введение // История семи мудрецов. Вып. I. СПб., 1878.

²⁵ Ремизов А. Предисловие // Кодрянская Н. Сказки. Париж, 1950. С. 11.

²⁶ На персидские коннотации названия книги было указано выше. Однако близкий образ возник в творческом сознании писателя намного раньше и не имел ориентальной окраски. «Павлиньи перья» — так он назвал свое предисловие к книге «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (Берлин — СПб. — М., 1923). Здесь «павлиньи перья» — метафора русского народного слова. Ремизов варьировал название своей последней книги. См. авторское примечание: «Книга написана павлиньим пером. Вариации в черновиках: 1) Павлинье перо. Девять сказок и татарская. 2) Павьем пером. 3) Павым пером (!). И еще один вариант: „Павлиное перо“ (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20. Л. 1). Подборка сказок под названием «Павлиное перо» (1. Присказка. 2. Под быком. 3. Чуткур. 4. Тигр) была опубликована в 1955 г. в журнале «Возрождение».

²⁷ «Приведенные мною образчики арабской поэзии, до-исламской, Кастада Шанфара, а также поздней, Мутаннабия, А. М. нашел очень характерными, и я дал ему их копии» (Никитин В. *Remizoviana* 1956. Л. 1 об.).

²⁸ В письме к Ремизову от 1 января 1955 года Никитин приводит рассказ Хасана из Басры (VIII в.) об одной из своих достопамятных встреч, который писатель включил в раздел «Суфийная мудрость».

²⁹ См. запись от 21 июня 1956 года: «...я прочел А. М. из книги „Рассказы персидских писателей“. А. М. — „хорошо сделано“» (Никитин В. *Remizoviana* 1956. Л. 16—16 об.).

³⁰ Текст приведен в записи Никитина от 20 января 1957 года (Никитин В. *Remizoviana* 1956. Л. 24). Лаура Леандровна — жена Никитина.

³¹ Ремизов А. Предисловие // Кодрянская Н. Сказки. С. 12.

³² Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 96.

³³ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. Подготовка текста и комментарии Антонеллы д'Амелия // *Eurogra Orientalis*. IV. 1985. P. 188.

³⁴ Ремизов А. Неизданный «Мерлог». Публикация А. д'Амелия // *Минувшее. Исторический альманах*. Paris, 1987. № 3. С. 229.

³⁵ Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж, 1954. С. 95.

³⁶ Никитин В. П. «Кукушкина» (памяти А. М. Ремизова). Воспоминания Публ. Н. Ю. Грыкаловой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1990 год. С. 285—286.

³⁷ См., например: Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987; Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. М., 1989; *Seyyed Hossein Nasr. Islamic Art and Spirituality*. New Delhi, 1990.